

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

<https://elibrary.ru/EGEBAR>

УДК 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Юрий ГИРИН

ГАРСИА МАРКЕС В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация: Эссе приурочено к 55-летию публикации первого перевода романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» на русский язык, выполненного В.С. Столбовым и Н.Я. Бутыриной и опубликованного в журнале «Иностранная литература» (1970. № 6–8). Первая часть эссе посвящена первому приезду Маркеса в СССР в 1957 г. и основана на репортажах писателя о пребывании в Советском Союзе, воспоминаниях современников и биографических исследованиях. Во второй части рассматривается рецепция творчества Маркеса и, в первую очередь, его романа «Сто лет одиночества» в советской латиноамериканистике и литературной критике; помимо мемуаристики, статей и книг о Маркесе используются материалы круглых столов и дискуссий, появлявшиеся в журнале «Латинская Америка».

Ключевые слова: Гарсиа Маркес, Советский Союз, травелог, «Сто лет одиночества», перевод, рецепция, миф, власть, социализм, советская латиноамериканистика, журнал «Иностранная литература», журнал «Латинская Америка».

Информация об авторе: Юрий Николаевич Гирин, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, ул. Поварская, 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3251-0641>. E-mail: yurigirin@hotmail.com

Для цитирования: Гирин Ю.Н. Гарсиа Маркес в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2025. № 19. С. 260–295. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ. CIEN AÑOS DE SOLEDAD
55 YEARS OF THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION, 1970–2025

Литература двух Америк. 2025. № 19.

Literature of the Americas, no. 19 (2025)

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

<https://elibrary.ru/EGBAR>

UDC 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Yuri GIRIN

GARCÍA MÁRQUEZ IN THE SOVIET UNION

Abstract: This essay commemorates the 55th anniversary of the first Russian translation of Gabriel García Márquez’s novel *One Hundred Years of Solitude* by V.S. Stolbov and N.Ya. Butyrina, published in the journal *Inostrannaya Literatura* (1970, iss. 6–8). The first part of the essay details Márquez’s initial visit to the USSR in 1957, drawing on the writer’s own accounts of his stay, his contemporaries’ memoirs, and biographical research. The second part analyzes the reception of Márquez’s work— primarily his novel *One Hundred Years of Solitude* — in Soviet Latin American studies and literary criticism. In addition to memoirs, articles, and books about Márquez, the analysis incorporates materials from roundtables and discussions published in the journal *Latinskaya Amerika*.

Keywords: García Márquez, Soviet Union, travelogue, *One Hundred Years of Solitude*, translation, reception, myth, power, socialism, Soviet Latin American studies, *Inostrannaya literatura*, *Latinskaya Amerika*.

Information about the author: Yuri N. Girin, Doctor Hab. in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3251-0641>. E-mail: yurigirin@hotmail.com.

For citation: Girin, Yuri. “García Márquez in the Soviet Union.” *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 260–295. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

ПАМЯТНАЯ ДАТА

GABRIEL GARCÍA MÁRQUEZ. CIEN AÑOS DE SOLEDAD
55 ANIVERSARIO DE LA PRIMERA TRADUCCIÓN AL RUSO, 1970–2025

Литература двух Америк. 2025. № 19.

Literature of the Americas, no. 19 (2025)

Artículo científico

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

EDN

UDC 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Yuri GIRIN

GARCÍA MÁRQUEZ EN LA UNIÓN SOVIÉTICA

Resumen: Este ensayo conmemora el 55° aniversario de la publicación de la primera traducción al ruso de la novela *Cien años de soledad* de Gabriel García Márquez, a cargo de V.S. Stolbov y N.Ya. Butyrina, publicada en la revista *Inostrannaya Literatura* (1970, núms. 6–8). La primera parte del trabajo se centra en la primera visita de Márquez a la URSS en 1957 y se basa en los informes del escritor sobre su estancia en la Unión Soviética, las memorias de sus contemporáneos y la investigación biográfica. La segunda parte analiza la recepción de la obra de Márquez, y en particular de su novela *Cien años de soledad*, en los estudios latinoamericanos y en la crítica literaria soviéticos. Además de memorias, artículos y libros sobre Márquez, se incorporan materiales de mesas redondas y debates publicados en la revista *Latinskaya Amerika*.

Palabras clave: García Márquez, Unión Soviética, libro de viaje, *Cien años de soledad*, traducción, recepción, mito, poder, socialismo, estudios latinoamericanos soviéticos, *Inostrannaya literatura*, *Latinskaya Amerika*.

Información sobre el autor: Yuri N. Girin, Doctor habilitado en filología, investigador principal, Instituto de la Literatura Mundial A.M. Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia, 25ª, ed. 1, Povarskaia, 121069 Moscú, Rusia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3251-0641>. E-mail: yurigirin@hotmail.com.

Para citar: Girin, Yuri. “García Márquez en la Unión Soviética.” *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 260–295 <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-260-295>

Это повествование построено на нескольких датах. 55 лет назад русскоязычный читатель впервые познакомился с главным романом будущего колумбийского нобелиата. Он пришел в Советский Союз (тогда еще нелегально) на страницах журнала «Иностранная литература» в 1970 г. Вся дальнейшая история вполне по-гарсиамаркесовски представляет собой совмещение разных форм реальностей. Мы остановимся на двух совершенно разных довольно авантурных эпизодах. Первый можно условно определить как «Гарсиа Маркес и Советский Союз», второй — как «Советский Союз и Гарсиа Маркес». Первый определен поездкой Гарсиа Маркеса в Восточную Европу и СССР в 1957 г. и впечатлениями молодого колумбийского журналиста от стран социализма, второй — появлением в 1967 г. его главной книги «Сто лет одиночества» и тем впечатлением, которое произвела эта книга на русскоязычного читателя. Между этими двумя эпизодами — хронологическая разница в условные десять лет. Поневоле хочется начать повествование с гарсиамаркесовского зачина: «Пройдет десять лет, и Габриэль Гарсиа Маркес...». Но пройдет еще двадцать лет, и овеванный славой мастер приедет в Советский Союз в 1987 г. как почетный гость на Московский кинофестиваль. И это будет его прощальный визит.

Габо и «страна чудес»

В те далекие пятидесятые Гарсиа Маркес, едва только вступивший на стезю журналистики, которой он будет верен всю жизнь, был начинающим автором нескольких рассказов, восторженно принятых его друзьями, но нашедших весьма слабый отклик среди читательской публики. К литературе его влекло с юности, и читателем он был запойным. Особые отношения у колумбийского писателя сложились с русской литературой. В 1979 г. он рассказывал в редакции журнала «Латинская Америка»:

Первым я узнал, конечно, Достоевского. Но если мне предложат выбирать из всей мировой литературы, я назову русского писателя Толстого. Я думаю, что «Война и мир» — самый великий роман из всех, написанных за историю человечества, Это увесистый кирпич, но какое чудо! А рассказчики русские мне нравятся практически все,

которых я читал. Достоевским я зачитывался, даже в очень плохих переводах. [...] Я думаю, что для любого писателя в мире русские романисты — основа основ¹.

К концу 1950 г. Гарсиа Маркес сделался профессиональным журналистом, а вскоре превратности судьбы забросили его в Старый Свет, куда он прибывает в качестве культурного паломника, общающегося святынь. В 1956-м в Париж приезжает близкий друг писателя Плинио Мендоса; он уговорил Гарсиа Маркеса съездить к их общему знакомому, живущему в Лейпциге, в тогдашней ГДР. Восточная Германия произвела на колумбийцев самое тягостное впечатление.

Атмосфера гнетущая, давящая. [...] Для нас было абсолютно необъяснимо, почему народ Восточной Германии, которому теперь принадлежало, казалось бы, все: власть, средства производства, полезные ископаемые, транспорт, банки, торговля, связь, — выглядит столь безрадостно и печально. Такой безысходности, как в глазах восточных немцев и немок, даже совсем молодых, я никогда в своей жизни не видел².

Так писал Гарсиа Маркес в серии репортажей «90 дней за железным занавесом», которые окажутся потрясением для его наивных соотечественников просоциалистических взглядов. И заключал: «Берлин — это нелепость»³. Такие же ощущения остались у него от посещения других стран социалистического лагеря — Польши и Чехословакии, где он побывал годом раньше. Тот уровень жизни и та атмосфера, которые он увидел в странах так называемого социализма, повергли его в недоумение, граничащее с отчаянием: «...в этом новом мире все вещи казались старыми, обветшалыми, уже когда-то бывшими». Но и Западный Берлин оставил его недовольным — здесь, наоборот, «все, к несчастью, казалось слишком новым»:

¹ Гарсиа Маркес Г. «...Многое я рассказал вам впервые» (Из беседы с советскими латиноамериканцами) // Писатели Латинской Америки о литературе. М.: Радуга, 1982. С. 276.

² García Márquez, Gabriel. “90 días en la Cortina de Hierro. 1. Berlín es un disparate.” *Cromos* (3 agosto, 1959). Пер. мой. — Ю.Г.

³ Ibid.

Учитывая политическую напряженность и соперничество между Востоком и Западом, он заключил, что Берлин — это хаотичное, непредсказуемое, непонятное человеческое пространство, где все представляется не таким, какое оно есть на самом деле, все является объектом манипулирования, каждый ежедневно занимается обманом и у каждого совесть нечиста [Мартин 2011: 216].

Естественно, дотошная журналистская натура Гарсиа Маркеса требовала разузнать самому, на месте и с максимальной достоверностью, как там в действительности обстоят дела в стране победившего социализма.

Возможно, Советский Союз обладал для него особой, не вполне понятной ему самому притягательностью как далекий «край чудес», наподобие тех сказочных стран, образ которых сохранился в его памяти с детских времен. Кроме того, играло свою роль и то обстоятельство, что речь шла о стране, находившейся за «железным занавесом», то есть *по ту сторону* метафизического предела, столь значимого для латиноамериканского сознания [Гирин 1994]. Позже Плинио Мендоса вспоминал: «В тот год мы совершили с ним два путешествия: одно — в Восточную Германию, а другое — в СССР, и лишились политической невинности, потеряв уважение к социалистическому миру». И объясняет, словно извиняясь:

В сознании молодых латиноамериканцев нашего поколения жил ангельский облик социализма, в который реальность внесла суровые поправки. Ужасающая политическая обстановка в Латинской Америке, генералы, захватывающие власть, многочисленные заключенные и эмигранты усиливали наши симпатии по отношению к социалистическому миру, которые внушила нам революционная мифология, ведущая свои истоки от героической эпохи Октябрьской революции [...] и от наших собственных либеральных колумбийских партизан. Все это долгое время вызывало в нас трепет и формировало крайне благожелательное отношение к странам, где произошел переворот, название которого мы из уважения писали с большой буквы: Социалистическая Революция⁴.

⁴ Мендоса П.А. Габриэль Гарсиа Маркес. Письма и воспоминания. М.: Индивидуум паблишинг. 2016. С. 29–30.

В 1957 г. Москва готовилась провести VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, грандиозное мероприятие, ставшее самым массовым за всю историю подобных фестивалей. Приглашения получили 34 000 человек из 131 страны мира. Это было поистине этапное событие не только для Советского Союза, но и для всего мира, вступивших, хоть и ненадолго, в эпоху взаимной открытости. Для вечно жадного до новых впечатлений Гарсиа Маркеса то была идеальная возможность непосредственного знакомства с «Меккой социализма». Но заштатный колумбийский репортер никого не интересовал, «органы» не выдавали визы неангажированному журналисту. Четыре раза подряд он получал решительный отказ. К тому моменту мир не знал еще ни Кубинской революции, ни ее вождя — Фиделя Кастро, с которым Габо подружился случайно в 1948 г. в Боготе во время массовых волнений.

Как всегда, выручил случай и, тоже как всегда — друзья. Будучи в Париже, Гарсиа Маркес встретил своего старого друга писателя Мануэля Сапату Оливелью, сестра которого везла на Московский фестиваль негритянский фольклорный ансамбль. И случилось так, что перед самым вылетом из Боготы ансамбль «Делия Сапата» лишился двух исполнителей — саксофониста и аккордеониста. Плинио Мендоса и Гарсиа Маркес тут же поспешили использовать фольклорную группу в качестве троянского коня для проезда в Москву. Для будущего нобелиата это не составляло никакой проблемы — он был страстным поклонником колумбийских народных песен, главным образом вальенато⁵, а также «неплохо исполнял паленке и мапале», по его же словам. Гарсиа Маркес был не только любителем вальенато — он сам неоднократно организовывал их фестивали и, будучи другом и приверженцем композитора Р. Эскалоны, немало сделал для пропаганды фольклорной музыки. Поэтика, стилистика и сюжетика вальенато во многом определили творческую манеру Гарсиа Маркеса периода его расцвета: художественные начала вальенато и гарсиа-маркесовского письма одни и те же. Сам писатель, по свидетельству своего брата, позже заявлял:

«Сто лет» — это рассказ о повседневных событиях того края, где родился и развивался вальенато, именно так. [...] Я не устаю повторять,

⁵ Вальенато — жанр колумбийской народной песни, сочетающей в себе элементы европейской, индейских и африканских культур.

что «Сто лет одиночества» — всего лишь один сплошной вальсеной длиной в 350 страниц⁶.

Таким образом, будущий автор «Ста лет одиночества» впервые попал в Советский Союз в качестве ударника-маракеро.

Пребывание Гарсиа Маркеса в СССР в 1957 г. осталось практически незадокументированным, поскольку организацией фестиваля занимался ЦК ВЛКСМ, а не обычные в подобных случаях ВОКС и Интурист, приставлявшие к гостям своих переводчиков и сопровождающих. Это обстоятельство сыграло на руку Гарсиа Маркесу, предоставив ему относительную свободу действий.

Начало поездки было ужасным: ни спальных, ни сидячих мест не было, и друзья были вынуждены провести тридцать часов подряд стоя в поезде «Берлин — Прага». Зато путь из Праги в Москву компенсировал все неудобства:

Вагоны советских поездов — самые комфортабельные в Европе, каждое купе — удобное отделение с двумя постелями, радиоприемником с одной программой, лампой и вазой для цветов на ночном столике. Все вагоны одного класса. Дешевые чемоданы, узлы с поклажей и едой, одежда и очевидная бедность людей не сочетались с роскошными и прибранными вагонами⁷.

Гарсиа Маркес ехал с открытой душой, его взгляд благожелательно отмечал любую мелочь, часто — мелочь прежде всего. Еще в дороге его поразили гигантские расстояния:

Понятно, почему в Советском Союзе поезда — настоящие отели на колесах; человеческое воображение с трудом может осмыслить такие необозримые просторы. [...] Эти расстояния ощущаются сразу, едва пересекаешь границу. [...] Кажется, ты путешествуешь в направлении недостижимого горизонта по совершенно особому миру, где все по своим размерам превышает человеческие пропорции, и нужно

⁶ García Márquez, Gabriel. *Tras las claves de Melquíades. Historia de "Cien años de soledad"*, 340–341. Bogotá, 2001. Пер. мой. — Ю.Г.

⁷ *Гарсиа Маркес Г.* СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Гарсиа Маркес Г. Палайя листва. Повести, рассказы. СПб: Симпозиум, 2001. С. 464. Далее указания страниц для этого источника даны в тексте в скобках.

полностью изменить представления о нормах, чтобы попытаться понять эту страну (464–465).

Каким-то образом в этом фрагменте, а также в примыкающих к нему замечаниях об эпидемии холеры и необъяснимом запахе гнили, равно как и в дальнейшем обозначении Москвы как «самой большой деревни в мире» ощутимы элементы мерцающего текста будущего большого романа.

Этот момент в мироощущении Гарсиа Маркеса тонко отмечал В.Б. Земсков, первый его отечественный исследователь:

Гарсиа Маркеса поразили страна и народ, для понимания которых надо изменить представления о пропорциях и мерах: расстояния, дел, людей. В этом «сумасшедшем народе», который даже в своем энтузиазме и щедрости потерял чувство меры, он увидел ту же поэзию, что родила и его творчество: «Земной шар, на самом деле, более круглый, чем мы предполагаем, и достаточно проехать всего лишь 15 тысяч километров от Боготы к востоку, чтобы вновь оказаться в поселках Толимы», краях, откуда родом герои «Ста лет одиночества» [Земсков 2014: 14].

Колумбийцам бросилось в глаза особое, восторженно-предупредительное отношение местных обитателей к иностранным туристам. Некоторые описания кажутся принадлежащими поэтике фантастического реализма:

Казалось, мы попали в гости к сумасшедшему народу — даже в энтузиазме и щедрости он терял чувство меры. Я познакомился с немецким делегатом, который похвалил русский велосипед, увиденный на одной из станций. Велосипеды очень редки и дороги в Советском Союзе. Девушка, хозяйка велосипеда, сказала немцу, что дарит его ему. Он отказался. Когда поезд тронулся, девушка с помощью добровольных помощников забросила велосипед в вагон и нечаянно разбила делегату голову. В Москве можно было наблюдать картину, ставшую привычной на фестивале: немец с перевязанной головой, разъезжающий по городу на велосипеде (469).

Естественно, что стороннему глазу многие вещи, свойственные иной культуре, иному народу, всегда кажутся странными, необыч-

ными. И все же в описаниях Гарсиа Маркеса ощущается априорная настроенность на то, чтобы воспринимать все видимое в свете гиперболы, невероятности, инаковости, едва ли не «чудесности». Московские улицы, здания, архитектура, образ жизни русских людей, их манеры и поведение — все представало в аспекте несоразмерности.

Надо было проявлять сдержанность, чтобы русские с их упорным желанием одарить нас чем-нибудь сами не остались ни с чем. Они дарили все. Вещи ценные и вещи негодные. В украинской деревне какая-то старушка протиснулась сквозь толпу и преподнесла мне обломок гребенки. Все были охвачены желанием дарить просто из желания дарить. Если кто-нибудь в Москве останавливался купить мороженое, то вынужден был съесть двадцать порций и вдобавок еще печенье и конфеты. В общественном заведении невозможно было самому оплатить счет — он был уже оплачен соседями по столу (469–470).

Однако подобные странности не воспринимались Гарсиа Маркесом как несуразность — он был настроен исключительно на положительный лад:

Я не думаю, что эта чрезмерная и всеобщая щедрость была следствием приказа властей, желавших поразить делегатов. Но даже если это невероятное предположение верно, все равно советское правительство может гордиться дисциплиной и преданностью своего народа (470).

Всю долгую дорогу в поезде Гарсиа Маркес услаждал себя и земляков песнями родных карибских краев. Но по прибытии в Москву он вместе с Плинио Мендосой покинул группу, «пожертвовав фестивалем», как пишет его биограф Дассо Сальдивар, поскольку его интересовало «изучение “чужой жизни” с ее чудесами и поразениями “реального социализма” в его собственном раю, поэтому все пятнадцать дней, проведенные между Москвой и Сталинградом, они провели в наблюдениях и расспросах» [Saldívar 1997: 355]. Таким образом,

Гарсиа Маркес сумел совершенно беспристрастно, серьезно и глубоко постичь бесконечную сложность советской действительности, ту сложность, которая не укладывалась в рамки ни ее собственной пропаганды, ни враждебной контрпропаганды [Saldívar 1997: 357].

Поражаясь нелепостям советской действительности, Гарсиа Маркес в поисках рационального их объяснения обращался к недавней истории страны.

В одном из московских банков мое внимание привлекли двое служащих: вместо обслуживания клиентов они с энтузиазмом пересчитывали цветные шарики, прикрепленные к раме. Позже я увидел увлеченных таким же занятием администраторов в ресторанах, работников общественных заведений, кассиров в магазинах и даже продавцов билетов в кинотеатрах. Я обратил на это внимание и собирался узнать название и правила игры в то, что, как я полагал, было самой популярной в Москве игрой, но администратор гостиницы, в которой мы жили, объяснил: эти цветные шарики, похожие на школьные счеты, и есть счетные устройства, которыми пользуются русские. Это открытие было поразительно, поскольку в одной из официальных брошюр, распространяемых на фестивале, утверждалось, что Советский Союз располагает 17 видами электронных счетных машин. Да, располагает, но не производит их в промышленном масштабе. Такое объяснение открыло мне глаза на драматические контрасты страны, где трудящиеся ютятся в одной комнатухе и могут купить два платья в год, и в то же время их раздувает от гордости, что советский аппарат побывал на Луне. Объясняется это, видимо, тем, что Советский Союз все 40 лет, прошедших после революции, направлял усилия на развитие тяжелой промышленности, не уделяя никакого внимания товарам потребления. В таком случае можно понять, почему они первыми предложили на международный рынок воздушного сообщения самый большой в мире самолет и в то же время у них не хватает обуви для населения. [...] Не вызывает сомнения, что цена этого небывалого в истории человечества предприятия была оплачена судьбой одного поколения, участвовавшего сначала в революционных боях, потом в войне и, наконец, в восстановлении экономики. [...] Железная изоляция, в которой держал нацию Сталин, чаще всего является причиной того, что советские люди, сами того не подозревая, попадают в комические положения перед иностранцами. [...] В то время как западная цивилизация в XX веке шла по пути впечатляющего технического прогресса, советский народ пытался разрешить многие элементарные проблемы, живя за закрытыми дверями (493–495, 497).

Сталин интересовал Гарсиа Маркеса не просто как историческая фигура и даже не как легендарный властитель далекой таинственной страны, как воплощение доминантной в маркесовском художественном мире мифологемы власти. Не случайно писатель замечал: «Очевидно, в сердце каждого советского человека живет миф, обуздывающий доводы разума» (484). Конечно, Сталин был интересен Гарсиа Маркесу и как личность, но более того — как «образцовый» диктатор, олицетворяющий вырастание власти в самодовлеющий абсолют. Как и многие другие понятия, как и само «одиночество», идея власти наполнилась у Гарсиа Маркеса особым, неоднозначным и чрезвычайно важным для его мировидения смыслом:

...я всегда верил, что абсолютная власть является наивысшей и наилучшей стадией самоосуществления человеческого существа и в силу этого вбирает в себя одновременно все его величие и всю его ничтожность⁸.

Он не раз выражал свое восхищение феноменом власти как таковым, искренне не понимая, почему он интересуется не всех писателей. В одном из интервью писатель признавался, что личность колумбийского диктатора Х.В. Гомеса обладала для него «захватывающей притягательностью»⁹. После выхода «Ста лет одиночества» Гарсиа Маркес говорил:

Главное, что меня всегда интересовало, — проблема власти. Мне кажется, что, если бы полковник Аурелиано Буэндиа не проиграл войну, а выиграл, он стал бы патриархом¹⁰.

Склонный к мифотворчеству писатель готов был воплотить идею власти и в женском образе — такова его «белая китиха» в «Невероятной и грустной истории о простодушной Эрендире и ее жестокосердной бабке». Образ тирана в «Осени патриарха», где писатель стремился создать собирательный образ всех латиноамериканских диктаторов, имеет под собой фольклорно-мифологическую основу, а текст романа содержит наибольшее количество автобиографиче-

⁸ García Márquez, Gabriel. *La soledad de América Latina*, 634–635. Ciudad de La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1990. Пер. мой. — Ю.Г.

⁹ Ibid.: 630.

¹⁰ Гарсиа Маркес Г. «...Многое я рассказал вам впервые». С. 270.

Гарсиа Маркес в Москве. Август 1957.

ственно покоится на Красной площади в Мавзолее вместе с Лениным. «В Мавзолее на Красной площади Сталин спит без всяких угрызений совести» — так озаглавил Гарсиа Маркес самую большую подглавку своего репортажа.

Я беседовал о Сталине со множеством людей. Мне показалось, что они высказываются вполне свободно, полагая, что всесторонний анализ спасет миф (484).

Ситуация со Сталиным после смерти и разоблачения диктатора напоминает ему кафкианский абсурд:

Двухкилометровый людской поток перед Мавзолеем составляют те, кто хочет впервые в жизни увидеть телесную оболочку человека, который лично регламентировал все, вплоть до частной жизни граждан целой страны [...] Ни один лист на дереве не мог шевельнуться вопреки воле этой невидимой власти [...] У него не было возраста [...] Но в воображении народа Сталин имеет возраст своих портретов. Они донесли его вневременное существование в самые отдаленные уголки тундры [...] Его изображения висели в общественных зданиях, в частных домах, печатались на рублях, на почтовых марках и даже на упаковках продуктов. Его статуя в Сталинграде — высо-

¹¹ Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был сделан на XX съезде КПСС в феврале 1956 г.

той 70 метров, каждая пуговица на кителе — полметра в диаметре (485–486).

Изучив, насколько было возможно, советскую сталинистику и увидев ее в деталях настолько абсурдных, что они придавали ей характер мифологии, Гарсиа Маркес пытается прийти к рациональному ее объяснению, но делает это в духе, свойственном его поэтике:

Лучшее, что можно сказать в его пользу, неразрывно связано с худшим, что можно сказать против него: в Советском Союзе нет ничего, что не было бы сделано [не] во имя Сталина; а все, что делалось после его смерти, состоит в попытках высвободиться из пут его системы [...] В тот вечер, когда мне разъяснили в Москве, в чем смысл сталинской системы, я не обнаружил в ней ни одной детали, не описанной ранее в книгах Кафки (486).

Стараясь изучить во всех деталях особенности сталинского наследия в жизни советских людей, Гарсиа Маркес отмечает скорее общий характер социалистического строя в СССР. Он полагает, что полностью постичь синдром Сталина и сталинизма ему поможет посещение Мавзолея, но преодолеть двухкилометровую очередь к нему им с Плинио удалось только с четвертой попытки. «Прежде чем попасть в святилище, пройти его, не задерживаясь, не более чем за минуту, мне понадобилось девять дней, еще полдня и еще полчаса стояния в очереди» (490–491). Он подробно описывает все свои попытки и еще более подробно — само посещение, хотя и признает с некоторым разочарованием: «Вспоминаешь ту минуту и понимаешь — в памяти не осталось ничего определенного» (492). Тем не менее вид покойного Сталина произвел на него довольно благоприятное впечатление. Дассо Сальдивар замечает по этому поводу, что Гарсиа Маркес увидел в нем не покойника, спящего вечным сном, но «того, кто продолжает жить своей жизнью — это жизнь власти по ту сторону смерти» [Saldívar 1997: 358]. Видимо, образ *мертвого* диктатора интересовал Гарсиа Маркеса совершенно особым образом, полностью отвечая его идее о жизни по ту сторону смерти, ставшей одной из констант его творчества. При этом Гарсиа Маркеса впечатлили руки набальзамированного генералиссимуса: «Ничто не подействовало на меня так сильно, как изящество его рук с длинными прозрачными ногтями. Это женские руки» (493). Этими

тонкими женоподобными руками, образ которых возник, очевидно, под влиянием «рук маркиза» обожаемого им Рубена Дарио, он снабдит впоследствии своего собственного диктатора в «Осени патриарха». Позже Плинио Мендоса вспоминал, что, по его мнению, именно после посещения мавзолея у Гарсиа Маркеса возникла мысль написать роман о диктаторе.

О советских людях Гарсиа Маркес постоянно писал с искренним сочувствием человека, на собственном опыте познавшего жизнь в нищете. Влияние всеобъемлющей власти Сталина Гарсиа Маркес видит в убогости советской жизни, в том, что он называет «развитие в обратном порядке»: «Тому, кто видел скудные витрины московских магазинов, трудно поверить, что русские имеют атомное оружие» (498). При этом Гарсиа Маркес не скрывает своей искренней симпатии к простым людям: «Это не была надоедливая толпа». Его подкупают «простота, доброта, искренность людей, ходивших по улицам в рваных ботинках» (478). И он заключает:

Должен честно признаться, что в пятнадцатидневной суете, не зная русского языка, я не смог прийти ни к каким окончательным выводам. В то же время полагаю, мне удалось уловить отдельные явления, пусть лишь бросающиеся в глаза и поверхностные, — все-таки это весит больше, чем плачевный факт полного незнакомства с Москвой. У меня профессиональный интерес к людям, и думаю, нигде не встретишь людей более интересных, чем в Советском Союзе (478).

Однако человеческая благожелательность и журналистская объективность Гарсиа Маркеса пришлись на его родине не ко двору: даже его близкий друг Эдуардо Саламеа Борда, человек безусловно левых взглядов, известнейший журналист и писатель, отказался печатать его репортажи в руководимой им газете *Espectador*, посчитав их слишком «просоциалистическими» даже для левых кругов Колумбии с их наивными представлениями о социализме. Но, когда два года спустя Гарсиа Маркес опубликовал свои очерки «90 дней за железным занавесом» и «СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы» в столичном журнале *Cromos*, то на него посыпались обвинения в том, что знаменитый журналист превратился в записного критика социализма, если и вовсе не продался ЦРУ. Парадоксальным образом, должно было пройти три де-

сятка лет для того, чтобы очерк колумбийского писателя, ставшего к тому времени мировой знаменитостью, о его первом знакомстве с СССР, стал доступен наконец и для советских читателей¹². И, как ни странно, эти очерки произвели на колумбийскую общественность шокирующее впечатление, в отличие от довольно спокойной реакции российского читателя, уже знакомого с чудесами Габо — «магического реалиста».

Итак, восприятие будущим нобелиатом, а пока все еще любознательным журналистом, советской действительности носило двоякий характер. Добросовестность дотошного документалиста побуждала Гарсиа Маркеса выискивать и выносить на суд читателя объективные причины тех странностей незнакомой и экзотичной русской жизни, что не могли не поражать иностранца, представителя западного мира (к тому моменту выходец из колумбийской глубинки вполне освоился с комфортом европейского быта). Но это на рациональном уровне. А подспудно срабатывала неизбывная писательская установка на фантазийность, стимулируемая экзотичностью, доходящей до абсурда, вкупе с впечатлениями от полумифологической фигуры легендарного тирана. Двойственность этого рода была изначально свойственна художественной манере Гарсиа Маркеса, и в дальнейшем она получила еще более осязаемое развитие, став доминантной чертой его поэтики.

«Страна чудес» и магическая реальность

60-е гг. XX в. во всем мире были означены какой-то особо интенсивной и драматической событийностью. Именно в это «фантастическое десятилетие», когда массовое сознание народов планеты было словно наэлектризовано, в Буэнос-Айресе выходит роман «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967), написанный в Мексике. Когда он поступил в продажу, его первые тиражи разошлись в считанные дни, и издательство осталось без бумаги. Вскоре книга завоевала читателей по обе стороны Атлантики, прогремела в переводах на весь мир и сделала своего автора в 1982 г. Нобелевским лауреатом¹³.

¹² На русском языке очерк впервые опубликован в журнале «Латинская Америка» в 1988 г. До этого текст пребывал в спецхране ВГБИЛ.

¹³ На сегодня роман переведен почти на пятьдесят языков народов мира, а его суммарный тираж превышает пятьдесят миллионов экземпляров.

Мгновенная популярность «Ста лет одиночества» во всем мире и стремление критиков отыскать секрет книги имели и чисто литературные причины: появление романа, да еще возникшего на культурной периферии, пришлось на переломный момент в эволюции умопредставлений, на период крушения гносеологических твердынь вообще и кризиса литературы, в частности, это отразилось в таких терминах, как «усталость форм», «смерть романа» и т. п. Действительно, с распадом целостности мировосприятия (пусть даже и мнимой) естественным образом теряется и целостность жанра как модели мира, что и обусловило во второй половине XX в. подрыв авторитета литературы. Роман Гарсиа Маркеса был воспринят в этой кризисной культурной ситуации, вызвавшей в Европе общественную смуту 1968 г., как альтернатива казавшимся исчерпанными способам устроения мира, как реальная возможность обновления искусства и самой жизни. Эта книга замечательна тем, что, вобрав в себя практически все слои мировой культуры и будучи настояна на местной фольклорной стихии, она сама оказалась едва ли не наиболее притягательным ориентиром для всей литературы последней трети XX в. Отринувшее жанровые каноны творчество Гарсиа Маркеса тем самым возродило роман как форму миропознания, хотя и на специфический лад, определенный латиноамериканской литературной традицией.

Мышление Гарсиа Маркеса космологично, его концепция времени и его образ мира так же диверсифицированы, как его пространство и представление о формах реальностей. Распад у Гарсиа Маркеса всегда чреват обновлением, влечет за собой торжество вечной и безграничной жизненности, а все ущербное замещается трансцендентной становлению бытийственной полнотой, переходя в иное качественное состояние. Видимо, эта альтернативность монистически авторитарной картине мира и составляет непреходящую ценность романа «Сто лет одиночества» и его привлекательность для homo legens, со свойственной человеческой натуре противоречивостью ищущего устойчивых ценностей и одновременно бегущего диктата указующего перста. Неудивительно, что для советского читателя проблематика романа имела особую значимость.

Русская судьба романа Гарсиа Маркеса и его творчества в целом крайне примечательна, хотя принадлежит, скорее, к области социальной психологии. Его рецепция в советской культуре настолько специфична, что в какой-то мере даже соотносится с его поэтикой.

Произошла необычайная вещь: такое бесконечно множественное по своей структуре явление, как миф, стало культивироваться со всей фанатичностью советского абсолютно моноидейного сознания! Это была парадоксальная ситуация, когда освобождавшееся от мифов, но все еще находившееся в их плену сознание тянулось к мифу, видя в нем способ раскрепощения от культурных и социальных догм и канонов. Случайно ли, что именно в 1967 г. на страницах журнала «Москва» впервые публикуется (пока еще в сокращенном виде) ставший культовым роман «Мастер и Маргарита»? Находившееся в состоянии латентной мифологичности общество на сломе эпох наконец-то обрело возможность говорить на языке адогматичной культуры.

Сквозь этот «магический кристалл» и был воспринят советским читателем роман «Сто лет одиночества», популярность которого изумляла самого автора. Не будет большим преувеличением сказать, что в СССР Гарсиа Маркес сделался не то чтобы модным — он стал «своим»:

Мы влюбились в Маркеса, ибо сразу почуяли в нем родное. Никакая экзотика тропического Макондо не помешала нам признать в магическом реализме естественную форму существования для отечественной литературы. Начиная с Гоголя, русское искусство занималось алхимической возгонкой реальности в противоестественное и правдоподобное¹⁴.

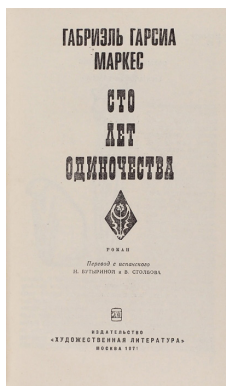
Сходство менталитета представителей рода Буэндиа и советского человека — поразительно [Багно 2001: 32].

Первая публикация «Ста лет одиночества» в СССР состоялась 55 лет назад, в 1970 г.: роман был напечатан в журнале «Иностранная литература» (№ 6–8) в переводе В.С. Столбова и Н.Я. Бутыриной. В 1971 г. в Москве выходит первое, еще доконвенционное¹⁵ книжное издание главной книги Гарсиа Маркеса на русском языке. За ним

¹⁴ Генис А*. Люди и праздники. Святцы культуры. М.: АСТ. 2022. С. 94.

*Генис Александр Александрович, 11.02.1953 г.р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 27 сентября 2024 г. включен в Реестр иностранных агентов в России.

¹⁵ СССР присоединится к Женевской конвенции об авторском праве в 1973 г. Журнал «Иностранная литература» опубликовал роман в 1970 г.

Первое русское издание романа «Сто лет одиночества» (1971).

последовали «Палая листва. Полковнику никто не пишет» (1972), «Недобрый час. Роман и рассказы» (1975), «Осень патриарха» (1978), бесчисленные новые издания и переиздания. Первое зерно упало в хорошо подготовленную почву — страна переживала подлинный бум всего латиноамериканского: у всех на слуху были романтические барбудос, героический партизан Че Гевара, «пылающий континент»; учрежденный в 1961 г. Институт Латинской Америки АН СССР с 1969 начинает издавать броско оформленный журнал «Латинская Америка», на долгие годы ставший основным рупором отечественных латиноамериканистов.

В ту пору СССР еще действительно был самой читающей страной в мире. Необыкновенная книжка необыкновенного писателя, изданная стотысячным тиражом, шла нарасхват, ее зачитывали до дыр, точно речь шла о тамиздате. Страсть была всеобщей, но неоднозначной: большинству поклонников и фанатов-маркесоманов противостояли немногие скептики-антимаркесисты, органически чуждые прихотливым ветвлениям авторской фантазии и произвольным плетениям вымысла. Дело в том, что Гарсиа Маркес относится к числу тех писателей, которые вызывают у читателей либо восторженное преклонение, либо безоговорочное неприятие — равнодушных обычно не находится. Генрих Боровик признавался:

Я не берусь анализировать его творчество, я просто в это творчество влюблен. Вместо ответа я приведу слова Константина Симонова. [...] «Но когда я начал читать “Сто лет одиночества”, прочел страниц 50, вдруг поймал себя на мысли, что я ни черта не понимаю — как это сделано. Настолько органично фантастика, притча, сказка сливаются с реальной жизнью, с реальным бытом, совершенно реальными характерами, что я только кручу головой в восхищении! А как это сделано — не понимаю! Я решил перечитать эти 50 страниц снова. Перечитал и опять не понял! Мистика какая-то! Он — поразительный писатель!»¹⁶.

Специально исследовавший проблему медийных откликов на роман «Сто лет одиночества» В.И. Красиков отмечал:

...феномен романа Гарсиа Маркеса все же отличен от других произведений литераторов — «героев» неоднозначных решений Нобелевского комитета. Отличен резкостью и радикальностью диаметральных суждений многочисленной аудитории читателей: либо неумный восторг, либо решительное неприятие [Красиков 2017: 97].

С самого момента выхода романа на русском языке он был предметом полярных мнений. Авторитетный критик Лев Аннинский тоже увидел в нем сродство русской и латиноамериканской душ, но в аспекте исторического пессимизма: миром «недоброго сознания», считал он, правит «горькая фатальность» [Аннинский 1987: 124]. Однако пронизательному взгляду критика противостояла безоглядная даже не апологетика, а какая-то фанатическая восторженность.

Стоявшая у основ советской латиноамериканистики В.Н. Кутейщикова, близко знавшая Габо (как он просил себя называть), рассказала об одном из самых любопытных случаев, связанных с восприятием «Ста лет одиночества»: некая дама, в виду невозможности купить книгу, выпросила ее у знакомых на время и стала переписывать весь текст строчку за строчкой. Узнавший об этом эпизоде Гарсиа Маркес откомментировал его так:

¹⁶ Боровик Г. Он — поразительный писатель // Латинская Америка. 2007. № 10. С. 66.

С советскими
латиноамериканцами:
Инна Тертерян,
Людмила Синянская,
Стелла Шмидт,
Лев Осповат, Вера
Кутейщикова. 1979 г.

Одна моя приятельница в Советском Союзе повстречала сеньору, немолодую уже, которая собственноручно переписала всю мою книгу, а на вопрос, зачем она это сделала, ответила: «Потому что мне захотелось узнать, кто на самом деле сошел с ума — автор или я». Мне трудно представить себе лучшего читателя, чем эта сеньора [Кутейщикова 2000: 325].

Справедливости ради следует заметить, что разброс мнений совсем не всегда доходил до подобных крайностей, но в первые годы книга действительно пользовалась невероятной популярностью. И в последующие десятилетия роман переиздавался множество раз, да и переведен был не единожды, о чем будет сказано несколько позже.

Естественно, что за прошедшие более чем полвека отношение читающей публики к роману очень изменилось: он уже не воспринимается с прежним восторгом, появилось больше негативных отзывов и мнений, откровенного непонимания. Но причиной тому — не сам роман, а изменившаяся культурная атмосфера, появление иной медийной среды, а также повышение уровня читательского восприятия, сопровождаемое некоторым сужением круга чтения. Изменился и возраст читательской публики — она значительно помолодела, а новые поколения просто не понимают атмосферы, соответствующей литературе латиноамериканского «бума». В 1968 г. Гарсиа Маркес считал необходимым отметить одну из особенностей своей поэтики:

Тут мы впадаем в парадокс: ирреальность Латинской Америки есть настолько реальная и будничная вещь, что ее легко спутать с тем, что понимается под реальностью¹⁷.

В современном, сплошь оцифрованном мире ирреальность стала привычной частью физической реальности, и в новых обстоятельствах чудесность и магичность литературы латиноамериканского «бума» не производят прежнего эффекта.

Когда в августе 1979 г. Гарсиа Маркес, будучи в Москве, встретился в редакции журнала с советскими латиноамериканистами, он, отвечая на вопрос о создании «Сто лет одиночества», произнес знаменательную фразу:

В истории литературы есть огромное множество произведений, появление которых подобно взрыву, а потом они уходят, и никто о них больше не вспоминает [...] Так вот, я всегда беспокоился, что сделает время с моей книгой¹⁸.

Однако место этой книги в истории нашей и мировой культуры неизменно; его очень точно определил В.Б. Земсков в предисловии к отечественному изданию романа на испанском языке: «“Сто лет одиночества” — одна из тех книг, которые входят в нашу жизнь раз и навсегда и время от времени требуют возвращения к себе» [Земсков 1980: 5]. Конечно, Гарсиа Маркес вошел в нашу жизнь не только этой книгой, но и последующими вещами, которые ему еще только предстояло тогда написать, но все же верно заметил С. Марков, автор биографии Маркеса:

Пожалуй, «Сто лет одиночества» оказалась самой популярной и нужной советскому народу книгой, сделавшейся даже не глотком, а полным вдохом свободы [Марков 2014: 168].

Роман Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», явившийся русскоязычному читателю в ореоле литературы латиноамериканского «бума», стал своего рода триггером в процессе осмысления современ-

¹⁷ *Гарсиа Маркес Г., Варгас Льоса М.* Диалог о романе в Латинской Америке // Писатели Латинской Америки о литературе. С. 137.

¹⁸ *Гарсиа Маркес Г.* «...Многое я рассказал вам впервые». С. 272.

ной отечественной литературы в соотнесенности с феноменом литературы Латинской Америки. И неудивительно, что платформой для обсуждения проблем современного романа стал журнал «Латинская Америка», в редакции которого прошел ряд плодотворных встреч и дискуссий, в которых участвовали не только латиноамериканисты и не только советские специалисты. Уже на следующий год после выхода романа на русском языке в редакции состоялось обсуждение, в котором приняли участие переводчики романа и ведущие литературоведы. В самом начале встречи было отмечено:

Роман колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» явно превысил обычную степень восхищения у советских читателей. Тем серьезнее задача, которую роман поставил перед критиками и литературоведами: разобраться в том, какую роль играет эта книга и ее автор в развитии современной латиноамериканской и мировой литературы¹⁹.

Не все встречи и обсуждения проходили единодушно и благостно. Ирина Зорина, переводчик и журналист, жена писателя Юрия Карякина, вспоминала, как в 1979 г. Гарсиа Маркес, приехавший как гость на Московский международный кинофестиваль, подвергся резким нападкам за его тесную дружбу с Фиделем Кастро, превратившимся к тому моменту в полноценного диктатора (Варгас Льюиса не случайно называл своего бывшего друга «лакеем Фиделя Кастро»). Это произошло в Переделкино, куда будущий нобелиат был приглашен на встречу с советскими коллегами по перу. Гарсиа Маркес начал с дифирамбов Фиделю, что вывело из себя уже и так разгоряченного Карякина.

«“Сто лет одиночества” прочел. Очень хорошо. У нас тоже есть свой маг слова и фантастической реальности — Фазиль Искандер. Но вот что не могу понять, как вы, извините, гоните такую пропагандистскую туфту — о борьбе кубинцев за свободу в Анголе? Экономика на Кубе в полном провале. Техника наша там гниет, безвозвратные кредиты идут на армию, готовую поддержать “революционные очаги” в Латинской Америке и в Африке. Сами кубинцы говорят,

¹⁹ Приглашение к диалогу. Латинская Америка: размышления о культуре континента. М.: Прогресс, 1986. С. 96.

что их посылают в Анголу, как русских “на картошку”», — нападал Карякин. [...] Остальных участников нашей встречи волновали не столько «революционные очаги», сколько преследование на Кубе интеллигенции, все более жесткая цензура и свирепые методы расправы с диссидентами. [...] Маркес явно не хотел отвечать на неудобные вопросы. Он, человек умный и наблюдательный, скорее хотел понять, кто перед ним и почему мы так резко настроены против Фиделя²⁰.

Но скандала не произошло: оба оппонента внезапно заинтересованно заговорили о Достоевском.

Спустя несколько месяцев, помнится, прочитала в одном из интервью Маркеса, что он повстречался в Москве в писательском поселке с очень интересным анархистом Юрием²¹.

На состоявшемся в 1980 г. «круглом столе» «Об историко-культурной самобытности Латинской Америки» В.Н. Кутейщикова подчеркнула, что новый латиноамериканский роман

присущими ему средствами воплотил самобытность исторического духовного опыта Латинской Америки, открыл для себя и для мира глубинные пласты народного сознания, специфику мироощущения человеческой общности, сформировавшейся здесь в процессе сплава разных этнических и культурных потоков²².

Эта тема была продолжена в расширенной беседе советских латиноамериканистов (историков, литературоведов, культурологов, философов) и видными представителями мексиканской науки, возглавляемыми известным философом Л. Сеа²³.

Вскоре в журнале состоялась большая дискуссия, в которой приняли участие, наряду с литературоведами-латиноамериканиста-

²⁰ Зорина И. Как мы чуть не поссорились с Маркесом из-за Фиделя, но примирились на Достоевском // Знамя. 2017. № 6. С. 131.

²¹ Там же. С. 132.

²² Об историко-культурной самобытности Латинской Америки // Латинская Америка. 1981. № 2. С. 117.

²³ Искать пути к диалогу // Латинская Америка. 1982. № 2. С. 67–88.

В журнале «Латинская Америка». 1979 г.

ми, специалисты по литературам Западной Европы и США²⁴. В центре дискуссии был вопрос о латиноамериканском романе в соотношении с классикой и современным западным романом. Л.С. Осповат говорил о том, что в развитии нового латиноамериканского романа отчетливо выделяется рубеж конца 1960-х – начала 1970-х гг., на который пришелся не только выход романа Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», но и значимые события в истории Латинской Америки, имевшие «не только общеконтинентальный, но и всемирный резонанс». Он заметил:

Истолкование действительности в мифологическом ключе, свойственное этому роману и принесшее ему важнейшие художественные открытия, некоторые исследователи провозглашают его главным, конституирующим признаком. Соответственно «магический реализм» объявляется чем-то вроде его метода [...] Я думаю, что это не вполне справедливо даже по отношению к первому этапу развития нового романа: «магическим реализмом» его новаторство отнюдь не исчерпывалось. Напомню, что именно тот писатель, которого можно назвать корифеем «магического реализма», Мигель Анхель Астуриас сказал незадолго до смерти: «Мы не должны позволить, чтобы о нашем континенте судили исключительно по его мифам» (№ 5: 80–81).

²⁴ «Опыт латиноамериканского романа и мировая литература». Материал был опубликован в двух номерах журнала: Латинская Америка. 1982. № 5–6. Далее страницы этой публикации даны в тексте в скобках с пометами «№ 5» и «№ 6».

А.М. Зверев предположил, что во «всеобщем увлечении латиноамериканским романом насколько могу судить, наблюдаемом едва ли не всюду в мире) есть, конечно, налет моды, есть свои крайности и издержки»:

...мода в данном случае носит по преимуществу чисто литературный характер, выражаясь в стремлении бездумно имитировать отдельные черты латиноамериканской прозы вместо того, чтобы осваивать ее опыт творчески, на глубине. Это опасность, и немалая. Не приходится отрицать, что тот же мифологизм сегодня стал ходовым приемом письма — именно приемом, не больше, данью весьма условно понятому «современному стилю». [...] ...вслушиваясь в отголоски латиноамериканского эксперимента в современной мировой литературе, самые глубокие отзвуки мы различим у писателей, собственными путями (и подчас без всякого прямого воздействия) двигавшихся к постижению народно-мифологического сознания как исторической памяти и специфической системы духовных ориентиров, нравственных ценностей, социальных представлений. Я имею в виду опыт Гранта Матевосяна, Чингиза Айтматова или, например, болгарина Иордана Радичкова [...] во всех трех случаях мы видим хорошо знакомое — прежде всего по книгам Гарсиа Маркеса — стремление опираться на фольклорное мышление и на фольклорный, народный, мифологизм, не на классический миф, а именно на миф, созидаемый и живущий только в устной традиции (№5: 86–87).

И.А. Тертерян резюмировала:

Как для современного человека вообще невозможна строгая детерминированность архаического мышления, так и в латиноамериканском романе нет абсолютной мифологичности [...] Латиноамериканский писатель находится на особой точке зрения: он созерцает мифологичность вне и внутри себя. Он уже в полной мере обладает способностью смотреть на среду, наделенную мифотворческим сознанием, и на само это сознание со стороны, расчленять, анализировать и воссоздавать его, но он ощущает его и в себе как нечто неотчуждаемое, интимное, как основу его притяжения и неприятия, восхищения и отвращения (№ 6: 58).

А.Ф. Кофман высказался категорично:

Мне кажется, опасность «магического маньеризма» — а не реализма — уже нависла над литературой Латинской Америки. Симптомы этого проявились даже в романе такого талантливого писателя как Фуэнтес — я имею в виду его «Край безоблачной ясности»: магическая символика романа надуманна, поверхностна. Кстати, некоторые писатели, в частности, Роа Бастос, не приемлют сам термин «магический реализм», считая, что он искажает дух и содержание латиноамериканской литературы (№ 5: 75–76).

Л.Н. Арутюнов отметил: «Перед нами явление, которое еще не имеет адекватного понятийного аппарата». В то же время он нашел, что произведения «некоторых советских писателей последних лет показывают творческое использование опыта латиноамериканского романа», приведя в качестве примеров романы Отара Чиладзе, Чабуа Амирэджиби, Фазиля Искандера, Баграта Шинкубы, русских «деревенщиков», а также Чингиза Гусейнова, Александра Эбаноидзе, Нодара Думбадзе, Гранта Матевосяна, Тимура Пулатова и других, к опыту которых «более всего уместен термин “эпическое повествование”, который включает в себя и эпические, и мифологические элементы художественного сознания и художественного текста» (№ 5: 81, 78–79).

Вполне очевидно, что налицо феномен так называемого типологического схождения в независимых и автономных литературных процессах, принадлежащих стадияльно общему культурному полю. Конечно, типологическая общность не исключает подсознательной ориентации писателя на стилистически близкий образец, что представляет немалые трудности в разграничении оригинала и его отслюений. Отмеченные выше свойства поэтики Гарсиа Маркеса и его модуса мировосприятия оказались во многом априорно присущими его современникам в стране, с которой он и сам ощущал родственную близость. Так, гарсиамаркесовской (и не только) фантазийности исполнен роман «Альтист Данилов» (1980) Вл. Орлова, созданный в жанре «фантастического реализма». Сам же Владимир Орлов говорил:

Оказала ли на меня влияние латиноамериканская проза? Пожалуй, пока нет. Произвела впечатление. И впечатление сильное. Прежде всего, конечно, «Сто лет одиночества»²⁵.

Со своей стороны, и Гарсиа Маркес в ответ на вопрос, читал ли он «Мастера и Маргариту» Булгакова, воскликнул: «Клянусь родной матерью, что я прочитал эту книгу после того, как написал “Сто лет одиночества”»²⁶. Однако, как оказалось позже, слухавил. Но и воздействие поэтики Гарсиа Маркеса на творчество русскоязычных писателей не только не отрицается, а постоянно выявляется дотошными исследователями. Жизнь произведений Гарсиа Маркеса в СССР и в сегодняшней России кажется явлением неслучайным, как неслучайны исторические пересечения и типологические общности двух схожих по признаку цивилизационной пограничности регионов — Латинской Америки и России. Об этом говорили участники дискуссии «Латиноамериканский роман и советская многонациональная литература» 1983 года²⁷, среди которых были не только латиноамериканисты и литературные критики, но и видные современные писатели. Алесь Адамович, отметив, что «соблазн латиноамериканской литературы очень сильный и ему поддаются и наши национальные литературы», объяснил это общностью самосознания и духом современности:

Нам кажется, что это-то и есть главное: мифологизация, притчевость и т. п. Труднее постигается удивительный синтез в этой литературе самых глубоких корней человечества и самых высоких вершин его [...] Читая их, мы вдруг поняли, что это вовсе не особенность только латиноамериканского литературного мышления. Что это и в нас живет, что это наше, современное, ощущение самих себя. Что это самосознание человека, человечества конца второго тысячелетия (№ 2: 66–67).

²⁵ Латиноамериканский роман и советская многонациональная литература. Дискуссия // Латинская Америка. 1983. № 2. С. 79–80.

²⁶ *Гарсиа Маркес Г.* О литературе, о себе, о своем творчестве // Вопросы литературы. 1980. № 3. С. 152.

²⁷ Опул. в двух номерах (№ 2–3) журнала «Латинская Америка» за 1983 г. Далее страницы этой публикации даны в тексте в скобках с пометами «№ 2» и «№ 3».

Инна Тертерян также возражала против одностороннего понимания мифологизма как прерогативы латиноамериканской литературы:

Я не собираюсь сейчас устанавливать или отрицать какие-то влияния. Вообще, в наше время все влияет на всех; мировая литература — одна сплошная контактная связь, говоря компаративистскими терминами. Но дело тут не только во влияниях или заимствованиях. Литературы помогают друг другу в самопознании. В зеркале чужой литературы можно лучше разглядеть себя, свои цели и задачи. И тем более в таком, даже не просто зеркале, а увеличительном стекле, как латиноамериканская литература (№ 3: 84).

В постсоветский период освоение творчества Гарсиа Маркеса русскоязычной читающей публикой продолжилось. Появились не только новые переводы, но и перепереводы. Оказалось, что и перевод произведений колумбийского писателя тоже стал формой его освоения и интерпретации. Так, история перевода романа «Сто лет одиночества» на русский язык сама по себе представляет собой отдельный авантюрный сюжет. Признанный сегодня классическим перевод В. Столбова и Н. Бутыриной (1970, был начат еще в 1967) в постперестроечные времена оказался подвергнут критике в связи с некоторыми опущенными по советским конъюнктурным соображениям эротическими и скабрёзными моментами, что, возможно, и делало текст несколько скучным и затянутым. Обвинив первых переводчиков романа в многочисленных недостатках, в 1996 г. М. Былинкина издала свой перевод с подзаголовком «Полный перевод с испанского», предварив его выпадами против «конкурентов». Но альтернативный перевод оказался, мягко говоря, художественно несостоятельным, и в дальнейшем читатель предпочел изначальный вариант с легко восстановленными купюрами. По следам скандальной публикации с аргументированными возражениями выступил известный переводчик А. Гелескул, получивший от автора «полного перевода» резкий ответ. Соотечественник Гарсиа Маркеса Дукэ Энао, специально занимавшийся сравнением двух переводов, отмечал, что в варианте М. Былинкиной «текст перевода начинает звучать излишне прагматично, приземленно, лишается поэтичности, которую хотел вложить в произведение сам Маркес» [Дукэ Энао 2015: 34]. При том, что именно Гарсиа Маркес словно

предупреждал: «Мне всегда хотелось, чтобы эта книга имела скорее поэтическую ценность, чем повествовательную»²⁸. Замечательно высказался однажды приятель Гарсиа Маркеса, фотограф Энрике Скопель:

Лично я не понимаю, как, черт побери, они перевели эту вещь на русский язык, чтоб рассказать русским о желтых бабочках, которые туда-сюда снуют. Как ты это на русский-то переведешь?²⁹

Освоение творчества Гарсиа Маркеса в отечественной науке началось по большому счету с книги В. Кутейщиковой и Л. Осповата «Новый латиноамериканский роман» (1976). Во втором издании этой книги большая и серьезная глава, посвященная колумбийскому автору, по неизбежности трактует его творчество с позиций популярных в то время концепций ренессансного пародирования и смеховой культуры:

...эпичность «Ста лет одиночества» — результат не расширения рамок романного жанра [...] а *смехового переосмысления* романной действительности, переосмысления опыта, накопленного романом едва ли не за всю историю его развития [Кутейщикова, Осповат 1983: 387].

В 1986 г. выходит первое и единственное до сих пор большое монографическое исследование творчества Гарсиа Маркеса В.Б. Земскова [Земсков 1986], которое вскоре будет издано в Германии [Zemskow 1990]. В более поздней работе В. Земсков также исходит из концепции М. Бахтина («смеховое начало — важнейший элемент его фантастической действительности, которая не может существовать без смеха» [Земсков 2014: 65]), но его подход диалектичен:

Однако пронизанная смеховым, комическим началом фантастическая действительность Гарсиа Маркеса постоянно чревата сдвигом в сторону трагического. Комическое и трагическое в романе образуют

²⁸ Цит. по: Гирин Ю. Вступительная статья // Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества: роман, повести, рассказы. М.: ЭКСМО, 2006. С. 17.

²⁹ Патерностро С. Жизнь Габриэля Гарсиа Маркеса, рассказанная его друзьями, родственниками, почитателями, спорщиками, остряками, пьяницами и некоторыми приличными людьми. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. С. 213.

подвижное единство, они соединяются, чтобы отрицать друга друга, так же, как отрицают друг друга и соединяются в действительности начала жизни и смерти» [Земсков 2014: 65, 68].

Ученый утверждает: «Гарсиа Маркес написал всеохватный, “тотальный” роман Латинской Америки», он помещает его в контекст всемирной истории и «Великой Метаморфозы» и видит в его художественном послыле «возможность качественной метаморфозы человека, народа, рода человеческого, а следовательно, его истории» [Земсков 2014: 93, 158].

Через два десятилетия автор этих строк написал, по поручению В.Б. Земскова, большую главу о Г. Гарсиа Маркесе для заключительного тома Истории литератур Латинской Америки. В этой работе творчество Маркеса рассматривается преимущественно в аспекте поэтики, с тщательным анализом генезиса его образности и мировидения, что позволяет автору умозаключить:

Мир Гарсиа Маркеса вообще лишен какой-либо однозначности [...] все его образы взаимопереходимы и соотносимы так же, как взаимопроницаемы в его мире грезы и реальности. [...] человек у Гарсиа Маркеса в своем внутреннем и внешнем составе предстает соразным природно-стихийному устроению латиноамериканского мира в его вечной устремленности вовне, за свои собственные пределы и имманентно чуждого упорядоченности и целостности [Гирич 2005: 618].

Естественно, что творчество Гарсиа Маркеса со временем стало объектом многих исследований, часть которых отмечена в обзоре В.Р. Исламова [Исламов 2021], хотя поле статей, диссертаций и публикаций разного рода совершенно необозримо. Тем более, что продолжали появляться новые переводы, а соответственно, и новые отклики. Гарсиа Маркес не менее десяти раз приезжал в Советский Союз, и каждый раз это становилось поводом для новых комментариев, статей, интервью, отзывов. Создавались театральные постановки, из которых самым известным был спектакль в театре В. Спесивцева, о чем живописно рассказывал сам режиссер, отвлекший Мастера своей репетицией на три часа от встречи с М.С. Горбачевым³⁰.

³⁰ Так что же хотел сказать великий мастер? Круглый стол // Латинская Америка. 2007. № 9. С. 59.

Эта встреча произошла в 1987 г., ровно тридцать лет спустя после первого посещения Гарсиа Маркесом Советского Союза, и она была последней встречей с Москвой. На этот раз маэстро уже был приглашен в качестве почетного гостя на Московский кинофестиваль. Впоследствии театр Спесивцева побывал с показом «Ста лет одиночества» в Латинской Америке, где снискал восторженный прием. Сам Гарсиа Маркес говорил, что спектакль Спесивцева так же достоин Нобелевской премии, как и его роман. Есть и другие постановки, например «Любовь во время холеры» в Театре на Малой Ордынке, «Любовь по Маркесу» в Театре Маяковского, идут другие спектакли по разным произведениям писателя. Ставились спектакли также в Санкт-Петербурге, Киеве, Симферополе, Туле, Тбилиси, Перми, Тамбове, Белгороде и других городах Советского Союза. Из постановок последнего времени выделяется уникальный по выразительности и адекватности духу колумбийского писателя спектакль для взрослых «Старый сеньор и...», идущий с огромным успехом в Московском театре кукол им. С. Образцова вот уже несколько лет.

Вышли две биографии Гарсиа Маркеса, написанные отечественными журналистами — С. Маркова, Ю. Папорова [Марков 2014, Папоров 2003], а также переводные книги о писателе Дж. Мартина и П. Мендосы. В 2008 г. издательство АСТ выпустило собрание произведений Гарсиа Маркеса в 19 (!) книгах; были переиздания. Суммарный тираж русской гарсиамаркесианы не подлежит исчислению. На сегодня в России стараниями издателей подобраны едва ли не все крохи с письменного стола писателя, собраны и изданы фрагменты и наброски к его главному роману и журналистские статьи разных лет. В 2018 г. появилось русское издание биографической книги самого писателя «Жить, чтобы рассказывать о жизни» (2002), которое он полагал первым томом будущей трилогии.

В 2007 г. весь мир с размахом отмечал 80-летие великого писателя (который внезапно «вспомнил», что родился не в 1928 г., как утверждал всю жизнь, а на год раньше³¹, чем вызвал повсюду немалый переполох). На родине юбиляру был официально присвоен титул Великого Сказителя, что было достойной наградой писателю, который признавался:

³¹ Габриэль Гарсиа Маркес действительно родился 6 марта 1927 г., о чем свидетельствует запись, сделанная 27 июля 1930 г. в церковной книге.

...и по призванию, и по способностям я — прирожденный рассказчик. Я как те народные куэнтэрос, что не могут жить, не рассказывая постоянно что-нибудь. И не важно, будет рассказ реальным или выдуманным. Для нас реальность — это не только то, что произошло, но также, и главным образом, та, другая реальность, что возникает в результате самого рассказывания [Цит. по: Гирин 2005: 554].

В связи с юбилеем в Москве ИМЛИ РАН провел «круглый стол» под девизом «Так что же хотел сказать великий мастер?» С еще большим размахом вся Россия отмечала год 2012-й: 85-летний юбилей Гарсиа Маркеса совпал с 45-летием с первой публикации романа «Сто лет одиночества», 30-летием с награждения писателя Нобелевской премией и 10-летием с момента публикации книги его воспоминаний «Жить, чтобы рассказывать о жизни». В Центральном доме литераторов в Москве состоялась большая конференция, посвященная его жизни и творчеству, демонстрировались фильмы по сценариям Гарсиа Маркеса, писатель был заочно награжден орденом Почета за вклад в укрепление дружбы между народами России и Латинской Америки. Проходили не только выставки и кинопоказы — даже вагоны метро украсили фрагментами текстов колумбийского писателя. Гарсиа Маркес прочно вписался в российскую жизнь. Режиссер М.З. Левитин, не раз ставивший его на театре, сказал: «Наши русские проблемы на прозу Гарсиа Маркеса ложатся, как масло на хлеб»³². Отчего так?

Лучше всех, пожалуй, объяснил этот феномен В.Б. Земсков:

Масштаб события превысил привычные представления, с творчеством Гарсиа Маркеса в нашем сознании утверждался не только он как писатель, но вместе с ним и целый «литературный материк» Латинской Америки, возникший из океана мировой истории. [...] Но нужен был именно Гарсиа Маркес, чтобы окончательно стало ясно, что Латинская Америка из «страны будущего», как ее называл в своей философии истории Гегель, превратилась в реальный фактор всемирной духовной жизни» [Земсков 2014: 152].

³² Так что же хотел сказать великий мастер? С. 22.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский 1987 — *Аннинский Л.* Феномен Гарсиа Маркеса: соблазн и опыт. Латинская Америка. 1987. № 8. С. 122–129.

Багно 2001 — *Багно В.* Об одиночестве, смерти, любви и о прочей жизни // Гарсиа Маркес Г. Палайа Листва. Повести, рассказы. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 5–35.

Гирин 2005 — *Гирин Ю.Н.* Габриэль Гарсиа Маркес // История литератур Латинской Америки. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 5. С. 542–621.

Гирин 1994 — *Гирин Ю.Н.* По ту сторону Востока и Запада // Латинская Америка. 1994. № 2. С. 55–58.

Дуке Энао 2015 — *Дуке Энао Х.П.* «Сто лет одиночества» в русских переводах // Вестник МГЛУ. 2015. № 27 (738). С. 32–39.

Земсков 2014 — *Земсков В.Б.* Габриэль Гарсиа Маркес. Главные романы // Земсков В.Б. О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб.: Гнозис, 2014. С. 9–160.

Земсков 1986 — *Земсков В.Б.* Габриэль Гарсиа Маркес: Очерк творчества. М.: Худож. лит., 1986.

Земсков 1980 — *Земсков В.Б.* Конец рода одиноких // Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества (на исп. яз.) М.: Прогресс, 1980. С. 5–29.

Исламов 2021 — *Исламов В.Р.* Творчество Г. Гарсиа Маркеса в современном российском литературоведении: обзор критических работ // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. № 1. <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/article/view/37/59>

Красиков 2017 — *Красиков В.И.* «Сто лет одиночества» — переоцененный роман? Агрегирование критических мнений в отзывах на интернет-сайтах // Вестник КемГУКИ. 2017. № 40. С. 96–101.

Кутейщикова 2000 — *Кутейщикова В.Н.* Москва–Мехико–Москва. Дорога длиною в жизнь. М.: Академический проект, 2000.

Кутейщикова, Осоват 1983 — *Кутейщикова В., Осоват Л.* Новый латиноамериканский роман. 50-70-е годы. М.: Сов. писатель, 1983.

Марков 2014 — *Марков С.А.* Гарсиа Маркес. М.: Молодая гвардия, 2014.

Мартин 2011 — *Мартин Дж.* Габриэль Гарсиа Маркес. Биография. М.: Слово, 2011.

Папоров 2003 — *Папоров Ю.* Габриэль Гарсиа Маркес. Путь к славе. СПб.: Азбука-классика, 2003.

REFERENCES

Anninskii 1987 — Anninskii, Lev. “Fenomen Garsia Markesa: soblazn i opyt” [“The Garcia Marquez Phenomenon: Seduction and Experience”]. *Latinskaia Amerika*, no. 8 (1987): 122–129. (In Russ.)

Bagno 2001 — Bagno, Vsevolod. “Ob odinochestve, smerti, liubvi i o prochei zhizni” [“On Loneliness, Death, Love, and Other Aspects of Life”]. Garsia Markes, Gabriel. *Palaia Listva. Povesti, rasskazy* [Fallen Leaves. Novellas and Short Stories], 5–35. St. Petersburg: Simpozium Publ., 2001. (In Russ.)

Duke Enao 2015 — Duke Enao, H. P. “Sto let odinochestva v russkikh perevodakh” [“One Hundred Years of Solitude’ in Russian Translations”]. *Vestnik MGLU*, no. 27 (2015): 32–39. (In Russ.)

Girin 2005 — Girin, Yuri N. “Gabriel Garsia Markes” [“Gabriel García Márquez”]. *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki* [History of Latin American Literatures], vol. 5, 542–621. Moscow: IWL RAS, 2005. (In Russ.)

Girin 1994 — Girin, Yuri N. “Po tu storonu Vostoka i Zapada” [“Beyond East and West”]. *Latinskaia Amerika*, no. 2 (1994): 55–58. (In Russ.)

Islamov 2021 — Islamov, V.R. “Tvorchestvo G. Garsia Markesa v sovremennom rossiiskom literaturovedenii: obzor kriticheskikh rabot” [“Creativity of G. García Márquez in Modern Russian Literary Studies: A Review of Critical Works”]. *Iazyk. Kul’tura. Mediakommunikatsiia*, no. 1 (2021). <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/article/view/37/59> (In Russ.)

Krasikov 2017 — Krasikov, V.I. “Sto let odinochestva — pereotsenennyi roman? Agregirovanie kriticheskikh mnenii v otzyvakh na internet-saitakh” [“One Hundred Years of Solitude’ — an Overestimated Novel? Aggregation of critical opinions in reviews on Internet sites”]. *Vestnik KemGUKI*, no. 40 (2017): 96–101. (In Russ.)

Kuteishchikova 2000 — Kuteishchikova, Vera N. *Moskva–Mekhiko–Moskva. Doroga dlinoiu v zhizn’* [Moscow–Mexico–Moscow. A Road of a Lifetime]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2000.

Kuteishchikova, Ospovat 1983 — Kuteishchikova, Vera, and Lev Ospovat. *Novyi latinoamerikanskii roman. 50–70-e gody* [The New Latin American Novel. 1950s–1970s]. Moscow: Sovetskii Pisatel Publ., 1983. (In Russ.)

Markov 2014 — Markov, Sergei A. *Garsia Markes* [García Márquez]. Moscow: Molodaia Gvardiia Publ., 2014. (In Russ.)

Martin 2011 — Martin, Gerald. *Gabriel’ Garsia Markes. Biografiia* [Gabriel García Márquez. Biography]. Moscow: Slovo Publ., 2011. (In Russ.)

Paporov 2003 — Paporov, Yuri. *Gabriel’ Garsia Markes. Put’ k slave* [Gabriel Garcia Marquez. The path to glory]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2003. (In Russ.)

Saldívar 1997 — Saldívar, Dasso. *García Márquez. El viaje a la semilla. La biografía*. Madrid: Alfaguara, 1997.

Zemskov 1990 — Zemskov, Valeri. *Gabriel Garcia Marquez*. Berlin: Volk und Wissen Verlag, 1990.

Zemskov 2014 — Zemskov, Valeri B. “Gabriel Garsia Markes. Glavnye romany” [“Gabriel García Márquez. The Main Novels”]. Zemskov, Valeri B. *O literature i kul’ture Novogo Sveta* [On the Literature and Culture of the New World], 9–160. Moscow; St. Petersburg: Gnozis Publ., 2014. (In Russ.)

Zemskov 1986 — Zemskov, Valeri B. *Gabriel Garsia Markes: Ocherk tvorchestva* [*Gabriel García Márquez: An Essay on His Work*]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. (In Russ.)

Zemskov 1980 — Zemskov, Valeri B. “Konets roda odinokikh” [“The End of the Lonely Ones”]. Garsia Markes G. *Sto let odinochestva* (na ispanskom iazyke) [*García Márquez G. One Hundred Years of Solitude* (in Spanish)], 5–29. Moscow: Progress Publ., 1980. (In Russ.)

© 2025 Ю.Н. Гирин

Дата поступления в редакцию: 15.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 22.10.2025

Дата публикации: 25.12.2025

© 2025 Yuri N. Girin

Received: 15 Sept. 2025

Approved after reviewing: 22 Oct. 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025